

УДК 785(410)

ББК 85.318

Л18

John Lydon

ANGER IS AN ENERGY: MY LIFE UNCENSORED

First published in the English language by Simon & Schuster UK Ltd. (London)

Печатается с разрешения издательства Simon & Schuster UK Ltd. и
литературного агентства Prava I Prevodi International Literary Agency.

Перевод с английского Толмачевой Елены.

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или
использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование
и иные способы воспроизведения и хранения информации, без
предварительного письменного разрешения правообладателя.

В оформлении задней стороны обложки использована фотография
*Kari Kuukka (Rock Summer Festival, Tallinn,
Estonia, 26 August 1988).*

Лайдон, Джон.

Л18 Sex Pistols. Гнев — это энергия: моя жизнь без купюр
/ Джон Лайдон: [пер. с англ. Е. Толмачева]. — Москва :
Издательство АСТ : Кладезь, 2024. — 576 [8] с: ил. —
(Биографии легендарных музыкантов).

ISBN 978-5-17-166189-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-1-47113-719-8 (английский)

Джон Лайдон, также известный как Джонни Роттен, — легендарная
фигура на панк-рок-сцене. Выступавший фронтменом в таких знаковых
группах, как Sex Pistols и Public Image Ltd, он бросал вызов условностям
и раздвигал границы дозволенного своими провокационными текстами
и исполнением. Его мятежный дух и бунтарский стиль жизни сделали
его вечным символом панк-культуры. Однако, что за этим стоит?

Эта книга о непростой судьбе человека, который рос в
послевоенном Лондоне и вырвался со дна британского общества.
Джон откровенно делится своей историей и размышлениями, а также
вспоминает драйвовую жизнь в Sex Pistols и за ее пределами. Грубым
и честным повествованием, пронизанным юмором и иронией, Лайдон
снова бросает вызов общественным нормам.

УДК 785(410)

ББК 85.318

ISBN 978-5-17-166189-2

© 2014 by John Lydon

ISBN 978-1-47113-719-8 (английский)

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Предупреждение от издателей

Эта автобиография написана Джоном Лайдоном, и написана она его словами. То, как он ими распоряжается, не всегда соответствует строгим грамматическим правилам. Иногда читатель может встретить слова, которых нет в словаре, или какие-нибудь не совсем, скажем так, ортодоксальные случаи их употребления. Издатель прекрасно об этом знает — и это вовсе не ошибки или опечатки. Они — часть уникального языка мистера Лайдона, и, принимая вещи таковыми, какие они есть, мы решили пустить подобного рода штуки в свободное плавание. Как сказал бы по этому поводу Джон: «Не парьтесь по всякой хрени».

Лайдонам. Я не стану благодарить мою семью за помощь с карьерой, потому что с этим я справился самостоятельно, но вполне благодарен им за то, что они всегда были со мной рядом. Спасибо.

Норе. Любви всей моей жизни. Моему лучшему другу. Ссоры — это прекрасно, но мириться — еще лучше. Я всегда видел от тебя только любовь и поддержку. И надеюсь, дарил то же самое в ответ. Спасибо.

Посвящаю эту книгу порядочности.

Предисловие

May the road rise with you
(Пусть дорога бежит впереди)

«Гнев — это энергия». И, черт возьми, да, так оно и есть. Возможно, это самые мощные строки, которые я когда-либо написал. Работая над «Rise», песней Public Image Ltd, я и понятия не имел, какое эмоциональное воздействие окажет она на меня, да и на всех, кто ее услышит.

Я сочинил эту строчку, особо не задумываясь, — просто выдал то, что пришло мне в голову, непосредственно перед тем, как впервые исполнить целиком всю песню в своем новом доме в Лос-Анджелесе. Такая крутая, спонтанная идея.

Сама песня была посвящена событиям в Южноафриканской республике во времена апартеида. Я смотрел тогда все эти устрашающие новостные репортажи по «Си-эн-эн», так что строчки вроде:

На голове моей замкнули провод,
Что делал я и говорил — им дал я повод,

— являются отсылками к пыткам, которые правительство ЮАР применяло против несогласных с режимом. Невыносимым пыткам.

Ты видишь подобные репортажи по телевизору и в газетах, и кажется, что это реальность, которую нельзя изменить. Так что в контексте «Rise» фраза «Гнев — это энергия» стала неким программным заявлением, словно говорящим: «Не воспринимай гнев негативно, не отрицай его, а лучше

используй, чтобы создать нечто новое». У песни есть и еще один рефрен: «Пусть дорога бежит впереди». Когда я рос, это были именно те слова, что любили повторять мои мать и отец, а вместе с ними и добрая половина соседей, которым также повезло родиться ирландцами: «Пусть дорога бежит впереди, а враги всегда остаются позади тебя».

Так что, да, главный посыл «Rise»: «Всегда есть надежда», а для решения проблем вовсе не обязательно прибегать к насилию. Гнев не равнозначен насилию. Насилие вообще редко что-то решает. В Южной Африке они в конце концов нашли относительно мирные способы выхода из конфликта. Используя такую вроде негативную энергию как гнев, бывает достаточно всего лишь одного позитивного шага, чтобы изменить ситуацию к лучшему.

На записи «Rise» в студии мы с продюсером все время спорили, как с нами это обычно случается, но иногда подобные споры действительно имеют пользу и смысл. Когда же в начале 1986 г. вышел сингл, песня стала всеобщим гимном, причем случилось это именно в тот период, когда прес-са твердила, будто со мной все кончено и мне и податься-то некуда. Оказалось, что очень даже есть куда, и я сделал это! Да, гнев — это энергия. Неисчерпаемая.

Когда я сейчас исполняю со сцены «Rise», то чувствую, как меня переполняют эмоции — реально, это такая настоящая связь с публикой. Я получаю все эти мелодраматические отклики, когда зал буквально взрывается, ощущая сопричастность тому заявлению, что несет песня, ее внутреннему смыслу и цели. Народ в зале полностью осознает это и, в свою очередь, делит свои чувства со мной. Просто дух захватывает. Часто я даже забываю о своем месте во всем этом действе. Настолько большое впечатление производит исполнение публикой песни, что эмоции берут верх. Для меня это и есть полный успех: нечто по-настоящему великодушное и благородное, понятное каждому в зале.

Гнев — корень причины, по которой я вообще сочиняю песни. Иногда мне даже кажется, что я сам себя едва контролирую, когда пишу. И если и есть где-то там ангелы-хранители, моему досталась чертовски трудная работенка. Во

всех этих вещах, в том, как это работает, конечно, есть большая доля предвидения и опыта, влияния того, как сложилась моя жизнь, с чего начиналась. Но теперь, когда я на сцене, слова сами приходят ко мне. И когда я на сцене — я в игре!

Что бы там ни сидело во мне, оно заставляет меня шевелиться, действовать, быть упорным и непреклонным, и такое понимание вещей вовсе не пустые выдумки — я, в конце концов, не так уж и отличаюсь от остального человечества. Правда. Мы все через это проходим, просто я взял и высказался вслух.

Я родился на помойке. Я появился на свет и вырос в дермовом районе Северного Лондона, жизнь в котором была во многом похожа на то, как мы представляем себе сегодняшнюю Россию. Тотальный контроль. Везде и во всем. Сама презумпция контроля. Люди рождались в этой насквозь прогнившей коррумпированной системе, веря, будто другие вправе указывать им, как поступать и что делать. Как я сказал королевской семье: «Вы можете попросить меня быть верным подданным, но вы точно не можете этого от меня потребовать. Я вам не чье-то пушечное мясо».

Не думаю, что подобного рода образ мышления был свойственен тогдашней британской ментальности. Десятилетия викторианского подбострастия уничтожили свободолобивый дух предшествовавших столетий. Британцы некогда имели и в самом деле славные традиции гражданского неповиновения, однако ко времени окончания Второй мировой войны от них не осталось и следа: школьные учебники стыдливо замалчивали о былом бунтарстве. Однако те из нас, кто любил читать... — ага, сюрприз, смотрите-ка, что мы тут нашли!

Я начал читать и писать в возрасте четырех или пяти лет. Меня научила мама, однако после перенесенного в семилетнем возрасте менингита я лишился всего — памяти, своих воспоминаний, даже не мог узнать родителей. Возвращение обратно заняло много времени. После школы я просто уходил в библиотеку, сидел там и читал книги до самого закрытия. Предки вели себя замечательно, они верили, что я найду дорогу домой, хотя иногда мне даже этого не удавалось — я в буквальном смысле слова не мог вспомнить, где живу.

Я любил возвращаться к чтению, не важно, будь то история, геология или рассказы о дикой природе. Позднее я познакомился с Достоевским. В возрасте одиннадцати лет я нашел «Преступление и наказание» очень содержательным — печальным, да, но, знаете, иногда бывает полезным и плодотворным погрузиться в скорби и печали других людей. Типа: «Ага, что он за несчастный сукин сын, но у меня-то проблемы посерьезнее будут!» Так что книги оказались неопределимо важными — жизнь моя была спасена.

Тут у нас в Штатах недавно все обсуждали, зачем каждый бывший президент открывает библиотеки, если политики не читают книг. Привет, Америка! Это отчасти объясняет вашу политику. Что касается меня лично, чтение спасло меня, вернуло обратно. И едва я снова осознал себя, ко мне постепенно начали возвращаться память и обрывки воспоминаний. Они снова обрели для меня смысл, и постепенно я понял, что являюсь тем же человеком, кем был до того, как все потерял. Даже лучше, теперь я мог взглянуть на себя со стороны и поинтересоваться: «Слушай, ну и чем ты тут занимаешься? Давай-ка постарайся сделать все как следует и не бросайся, не подумав, куда ни попадя».

Возможно, я был слишком строг — что можно ожидать от семилетнего мальчишки? Однако я был очень, очень требователен к себе и продолжаю оставаться таковым. Никто не напишет обо мне всех тех действительно отвратных вещей, в которых я бы сам себя не обвинял. В половине случаев, читая разные хейтерские статейки, я думал про себя: «Да ладно, это они со мной еще легко обошлись». Как вы увидите в дальнейшем, читая эти страницы, я — мой самый строгий критик, а книга — моя попытка понять и изучить себя — постоянный процесс длиною в жизнь.

Возвращаясь к моему подростковому возрасту, стоит отметить, что я определенно был готов что-то совершить. Мой пистолет, скажем так, был заряжен, однако все дальнейшее случилось самым занимательным образом, поскольку такого я уж точно не ожидал. Как только прозвучало это: «Эй, хочешь петь в нашей группе?» — я немедленно ответил: «Вау, да без вопросов! Боже мой, теперь все сходится!» И будь

я проклят, но я не собирался так просто отступить от этой идеи. Я оказался очень настойчив, несмотря на всеобщие неявки на репетиции и весь сопутствующий ранним Sex Pistols негатив.

Нельзя сказать, что я пришел в группу с блокнотами, написанными словами песен, — тексты стали появляться уже по ходу дела. Мои мозги служили библиотекой. Мне нравится делать заметки, однако я достаточно пренебрежительно отношусь к уже записанному слову. Думаю я явно быстрее, чем пишу, поэтому и обзавелся неплохим таким хранилищем между ушами.

Было просто чертовски здорово получить возможность выкрикивать со сцены все эти вещи. Откровенно говоря, я и представить себе не мог, сколько народа в конце концов будет это слушать. «Пистолз» казались мне клубным проектом. Я не видел в нем особых перспектив, поскольку музыкальный бизнес, как и любой другой к тому времени, был целиком и полностью схвачен и повязан. Все эти проповедовавшие свободную любовь команды 60-х заняли там первые позиции и не собирались освобождать место в своем автобусе.

Однако спустя всего лишь год-два первая же парочка написанных мною вещей «Anarchy In The U.K.» и «God Save The Queen» попали точно в цель. Я хотел бы поблагодарить британскую систему публичных библиотек: они стали моей тренировочной базой, именно там я научился бросать свои словесные гранаты. Я не швырял кирпичи в витрины магазинов в знак протеста, а бросал слова там, где они имеют значение. И еще какое!

Адвокаты и парламентарии обсуждали меня на открытых слушаниях, гневно цитируя «Акт об измене». Смертельно опасная штука, если обернуть ее против тебя. Этот очень древний закон, судя по тому, что рассказал мне мой адвокат, до сих пор предусматривает смертную казнь. Упс! Что? За сказанное слово? Абсурдно, когда правительство диктует, как, по их мнению, людям следует или не следует поступать. Ау! Мы — те, кто за них голосует, и вовсе не для того, чтобы они указывали нам в ответ, что мы делаем не так. Лучше

бы побольше обращали внимания на то, когда мы поступаем правильно. Гражданские права одинаковы для всех нас, скажу я. Не судите, и не судимы будете.

Вся эта провальная история пробудила во мне эдакого ворчливого маленького мерзавца. Только представьте — сама мысль о том, что слова и в самом деле являются оружием и воспринимаются как таковое властью имущими. Аж мурашки по коже! Просто вау! И для меня это — оправдание. Это было жестко, настоящий хардкор, а не так посмеяться. Я ненавижу любые формы управления. А тут они еще и заявляют, будто мне не позволено говорить определенные вещи — другими словами, я не могу высказывать свое мнение. Так я обнаружил, что и правда представляю опасность для сильных мира сего.

Не многие «поп-певцы» осмеливались зайти так далеко. Типа да, конечно, весь этот Пусси-Пук в России — я всячески их поддерживаю. Я люблю храбрость. Но до них мое положение было самым тяжелым из тех, в которых когда-либо оказывалась поп-звезда. Самое политическое, самое опасное — а я по ходу только смеялся. Наш так называемый менеджер, Малкольм Макларен, обосрался, как и вся остальная группа. Именно это и стало одной из причин распада: они боялись оказаться втянутыми в то, что считали скандальным. Для меня же это — вопросы, которые нельзя было не задать. Такое социологическое исследование. Что можно говорить и что нельзя. С какой такой стати слово «херня»¹ считается запрещенным? Кто вправе мне на это указывать? Вот что вывело меня на тот путь, которым я теперь следую. Всегда называть вещи своими именами. И никогда не отступать.

Однажды я видел запись, на которой Игги Поп исполнял одну песню — «Down In The Street»². Храбрость царившего на сцене угара впечатлила меня — нет, это ни в коем случае не была слабость, Игги жег на ВСЮ КАТУШКУ! Со своими

¹ Имеется в виду английское слово bollocks, вошедшее в название альбома Sex Pistols 1977 г. *Never Mind The Bollocks, Here's The Sex Pistols*. — Здесь и далее прим. перев.; если не указано иное.

² Скорее всего, Лайдон имеет в виду песню «Down On The Street». — Прим. ред.

длинными, блондинистыми, роскошными волосами, с тушью на ресницах — Игги! И это сработало, подействовало, потому что парень не уклонялся от того, кем он был. Да, я здесь, да, я такой, просто смиритесь. Абсолютная, настоящая храбрость.

Ты не можешь всегда надеяться на то, что тебя примут, и иногда даже выгодно, если этого не случится, но в любом случае, когда у тебя есть храбрость стоять на сцене, — это твое. Не надо бежать от этого. И я не бегу.

Я никогда не позволял себе снисходительно похлопать самого себя по плечу за достижения, даже несмотря на то, что я пришел буквально из ниоткуда. Потому что немедленно на меня обрушивалась другая проблема, а за ней еще одна. И для меня это вовсе не охота за трофеями. Просто есть вещи, которые я должен был высказать.

И я сказал свое слово. Политические ограничения и британское самомнение — думаю, я достаточно имел с ними дело во время всей этой Пистолзовзской херни, так что следующее, чем я занялся, — так сказать, внутренней политикой: хотелось разобраться в себе и выяснить, что со мной не так. Прежде чем строить карьеру, обличая других, необходимо было понять, что плохого скрыто внутри меня самого. Так что свою следующую группу Public Image Limited, кратко PiL (Пил), я использовал для того, чтобы перестать изображать из себя заносчивого засранца. Я верил, что в этом проекте мы все будем на равных.

И таким образом нам удалось проделать замечательную работу. Придумать парочку действительно важных штук-вин, просто потрясающих по тем временам. Мне нравились мои Pubic Hairs Limited¹. Мы бросили вызов устоявшимся на тот момент представлениям о музыке. И это коренным образом изменило саму ее концепцию. На самом деле я менял музыку дважды.

Сейчас уже трудно припомнить детали, но где-то в 80–90-х мне предложили: «Разве не отличная идея, если ты

¹ Дословно «Ограниченные лобковые волосы», игра слов public («публичный», *англ.*) и pubic («лобковый», *англ.*).

станешь Кавалером Ордена Британской империи?» Думаю, они решили, будто теперь меня можно приручить, но, вероятно, не вслушивались в содержание *Metal Box* или *Album*. Предполагалось, что тексты песен не имеют особого значения, но это было не так. Да, в них затрагивались проблемы скорее внутренние, а не внешние, как в текстах «Пистолз». Где-то там подумали, что меня можно вписать в эту дерьмовую систему, однако с Джонни такое не прошло. Я сильно опасаюсь этих хвастливых титулов и не вижу в них особой необходимости. На самом деле мне нравится помпа и всякие церемонии — всего лишь не хочу принимать в этом участие.

Но знаете, я тут совсем недавно имел дело с американскими властями, когда подавал заявление на американское гражданство, и они сказали мне, что британцы все еще хранят открытое на меня дело. Только представьте!

Все, чего я хочу в жизни, — это ясность и прозрачность. Мне необходимо, чтобы я всегда знал, кто что делает и с кем. Мои единственные реальные враги — лжецы, готовые на все, лишь бы меня остановить, поскольку хотят, чтобы обман и подмена понятий продолжались, потому что так им удобно, или совершенно невежественные и безмозглые дураки, верящие каждому слову, прочитанному в ежедневной газетенке.

Я чертовски хорошо знаю, что больше всего удовольствия извлекут из этой книги мои хейтеры, и практически каждая вторая строчка здесь может стать оправданием их презрения. Ну, это нормально. И тоже отчасти относится к делу. Ведь они думают, пусть и негативно — по крайней мере, в их голове есть хоть какие-то мысли! Гнев — это энергия, помните?

Итак, вот вам «Моя жизнь, без купюр». Здесь должен быть подзаголовок — «Даже если они попытаются». Купюры, цензура — это то, против чего я всегда выступал. Своего рода непререкаемые постулаты, исходящие от людей, которые не любят много думать, не готовы анализировать себя (судить других гораздо проще) и бояться будущего. Будущее неизвестно, давайте запрыгнем туда и посмотрим, куда оно

нас приведет. Есть одна старая, но очень правильная цитата: «Нам нечего бояться, кроме самого страха»¹.

Эта книга — жизнеописание серьезного любителя риска. Есть во мне этакая склонность к риску. То, что всегда брало надо мной верх. В начале 2014 г. я готов был ввязаться в самую большую в своей жизни авантюру — собрался провести три месяца, колеся по дорогам Америки, играя царя Ирода в рок-опере «Иисус Христос — Суперзвезда». Да, я знаю. Я прекрасно понимал, какое это произведет шоковое впечатление и какое вызовет осуждение — просто обожаю подобное... *Обожаю!* Но все это и гроша ломаного не стоило по сравнению с тем, что я получил бы от шоу как человек. Это заставляло меня подчиняться приказам и следовать сценарию. Последний вызов! Однако за неделю до начала шоу его отменили без каких-либо реальных объяснений.

Но слушайте, я постараюсь быть как можно более точным, не нанося никому слишком большого личного ущерба, поскольку считаю, что каждый заслуживает шанса вернуться и реабилитироваться, независимо от того, сколько раз он падал. У меня была нелегкая жизнь, и я не хочу, чтобы эту автобиографию восприняли как отражение ненужной злобы по отношению к кое-каким действующим лицам тех событий. Оставляю злобу этим собакам и крысам.

Я сделаю все возможное, чтобы не забыть, кто я, блядь, такой. Я могу иногда отказываться строго следовать хронологии событий своей жизни, но хочу, чтобы все было честно и открыто, — говорить всю правду и ничего кроме... **НО!**

Я могу ошибаться, а могу быть и прав.

Все в жизни взаимосвязано. Непредсказуемость — вот история моей жизни. Я облегчаю путь другим людям, готовым за мной последовать.

Я — слон в гостиной, которого никто не замечает. Я тот чувак, кто не боится встать и во всеуслышание высказаться. В мире, где уже, кажется, никто не способен слушать.

¹ Немного измененная цитата из речи 32-го президента США Франклина Делано Рузвельта (1882–1945).

Глава 1.

Рожден ради цели¹

«Испытания и невзгоды!»² — написал я в начале 80-х, пытаясь примириться с хаосом и смятением, с которыми я вошел в этот мир.

Родился я, и доктор невзлюбил меня,
Рванул за пятку, будто бы мясник цыплят,
Пинок под зад — ах, мама, где же ты была?
Как ты могла? — Ты на меня забила!³

Одно четверостишие — и вы приходите к выводу, что я был очень недовольным ребенком.

А ведь я действительно горжусь песней «Tie Me to the Length of That» («Привяжи меня на всю длину»). В то время по телевизору шло много медицинских передач, в которых показывали документальные съемки родов. Они там занимались тогда разными экспериментами на тему, что можно показывать и что нельзя, поэтому, наблюдая за всеми этими высказывающимися отовсюду младенцами, я типа такой: «Посмотри-на, они шлепают бедного малыша по заднице, стоит ему только появиться на свет». Да, они делают это совершенно правильно с медицинской точки зрения, но я просто

¹ «Born for a Purpose» — хит регги-исполнителя Dr Alimantado (Винстон Джеймс Томпсон) 1977 г. Джон Лайдон высоко отзывался о Dr Alimantado в своих интервью 70-х.

² «Trials and tribulations» — первые строки композиции PiL «Tie Me to the Length of That» с альбома *This Is What You Want... This Is What You Get* (1984).

³ «When I was born, the doctor did not like me / He grabbed my ankles, held me like a turkey / Dear Mummy, why d'you let him hit me / This was wrong, I knew you did not love me».

подумал, какая же это психологическая травма — ты едва покинул безопасное убежище материнской утробы, и тут они такие: «Вот тебе хороший шлепок по заднице, приятель!»

Мой отец пришел в ярость, когда услышал эту песню, потому что там есть упоминание и о нем: «тупой алкаш — ублюдок уронил меня». Это была история, рассказанная мне тетей и которую позже повторила мама: о том, что гордый папаша на радостях напился. Он взял отгул, потом вся эта паника, одно, другое — вот и результат. Я появился на свет ранним морозным утром 31 января 1956 г., а он «паниковал» накануне всю ночь.

Отец жутко разозлился на такой свой портрет. «Да не так все было! Ну... да оно могло и тако случиться, но совсем по другой причине!» — говаривал он с сильным ирландским акцентом. Бедный папочка. Я написал эти строки вовсе не для того, чтобы позлить его или отомстить. Как я уже сказал, я всего лишь пытался перевести на музыкальный язык те эмоции, которые, должно быть, испытывал в детстве. Вот почему я люблю писать песни — это реальное самокопание до какого-то энного уровня постижения.

Есть одна фотография со свадьбы моих родителей, которая представляет для меня невероятный интерес, потому что там, где-то в дальнем правом углу, тетя Агнес держит ребенка. И самое вероятное объяснение — этот ребенок, скорее всего, именно я и есть. Та-дам: я — ублюдок! В последние годы мне даже приходилось общаться с другими детьми, очевидно, рожденными моей мамой вне брака. И я никогда не мог получить честного ответа ни от одного из членов семьи, который был в курсе происходящего. Все они терпеть не могут разговоров, все тишком, и все великая тайна. Конечно, пока я сам не разобрался с всякими тайнами в собственной жизни и в собственном положении, мне было очень сложно иметь дело с другими предполагаемыми членами моей семьи.

У меня не было свидетельства о рождении, и я подзревал, что родился не в Лондоне, поскольку моему отцу, по-видимому обеспокоенному перспективами призыва на военную службу, пришлось притаиться и залечь на дно. По очевидным причинам я вынужден здесь немного темнить,